

В.Г. БАЕВ,
А.Н. МАРЧЕНКО

Русская революция как форма социальной мобилизации в XX веке (размышления над книгой)

Предлагаемый текст представляет собой “размышления на полях” книги А. Медушевского “Политическая история русской революции”. Авторы отмечают высокую актуальность поднятой темы, особенно на фоне того, что столетие Русской революции не получило значительного отражения в научной литературе и официальных источниках. Особое внимание привлекает используемая создателем монографии методология так называемой “когнитивной истории”. Суть ее означает понимание психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников – интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Это позволило Медушевскому раскрыть логику революционного процесса столетней давности, а также истинные замыслы его главных героев. Выявленные ключевые моменты событий позволяют проследить вековую связь между формировавшимся в 1918 г. политическим режимом и положением дел в современной России.

Ключевые слова: Русская революция, когнитивная история, государство-миф, реальность, мнимость, номинальный конституционализм, конституция.

DOI: 10.31857/S086904990005093-4

Столетие Русской революции – важное событие для глубокого научного дискурса заданной темы. Оно знаменует рубеж, с высоты которого уже можно осмысливать последствия и значение тех судьбоносных событий, которые изменили ход российской и мировой истории и на длительное время определили вектор общественного развития. В его рамках наша страна упрямо двигалась более 70 лет и, как представляется, не может выйти из этой колеи до сего времени.

До настоящего момента полноценному осмыщлению революционных событий препятствовали самые разнообразные предубеждения и стереотипы, социалистические, коммунистические, либеральные мифы, а также (что самое главное) чрезвычайно высокая политизация социума как целого и научного сообщества как его части. Однако сегодня, с завершением целого века российской истории, мы получили возможность беспристрастно анализировать и обсуждать как негативные, так и позитивные стороны революции и последовавшей затем советской эпохи. Сегодня одни общественные деятели склонны идеализировать советское прошлое, другие, составляющие большинство, резко критикуют, “разоблачают” и осуждают “преступления коммунистического режима”. Наиболее радикальные представители российских интеллектуальных кругов “демонизируют” СССР.

Б а е в Валерий Григорьевич – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права Юридического института Тамбовского государственного технического университета. Адрес: 392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106. E-mail: vgbav@yandex.ru

М а р ч е н к о Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Тамбовского государственного технического университета. Адрес: 392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106. E-mail: alexey_ckpt@mail.ru

Однако ценный результат и реальную пользу приносит не политическая демагогия, а беспристрастная научная оценка эпохи с учетом современных данных и парадигм. Нужны не апологии и филиппики, но историческое осмысление, которое опирается на твердый фундамент политологического, социологического и историко-правового анализа Октябрьской революции, пролетарской диктатуры, сталинского режима и советского строя в целом. Подобное исследование столь сложной эпохи необходимо осуществлять в теоретическом и практико-ориентированном ключе, выявляя истины, способствующие развитию современности.

Именно этим целям служит монография А. Медушевского. Автор книги, окончивший престижный в советское время Историко-архивный институт, относится к категории известных и разноплановых ученых. Он может равным образом считаться экспертом в областях истории, философии, социологии, политологии, права (прежде всего, конституционного). Его новый труд является собой столь необходимый нашей науке опыт конституционно-правового анализа, где объектом рассмотрения выступает генезис, развитие и становление советской конституционной модели. Актуальность проведенного исследования для решения насущных проблем настоящего определяется тем, что многие черты “старой” советской системы, как видим, сохранились и в современной России.

Полноценное познание историко-правовой картины прошлого во многом определяется избранной **методологией**. Автор поставил перед собой цель: раскрыть логику русского революционного процесса в исторической длительности (на всем протяжении действия революционной формулы), в сравнительной перспективе (крупных революций прошлого и современности) и функциональном контексте (механизмы принятия стратегических политико-правовых решений), исходя из реконструкции смысла конституционных принципов, их позитивации в праве и функционирования в политическом процессе. Решение этой задачи означало бы “создание основ доказательной политической истории революции как единого исторического процесса” [Медушевский 2017, с. 603]¹. Иными словами, Медушевский рассматривает революционные преобразования с позиции их явных и скрытых целей в контексте реальных мотивов противоборствующих сил. Данный подход представляется особенно ценным, так как позволяет раскрыть истинные принципы советского конституционализма.

Автор использует когнитивный метод историко-правового исследования, который обеспечивает приоритет познания в научном анализе. То есть исследовательская деятельность протекает в русле современной отечественной исторической науки, где все большее значение приобретает новое эпистемологическое направление, известное как “когнитивная история”. Основы данного подхода наиболее полно раскрыты в трудах О. Медушевской [Медушевская 2008; Медушевская 2010].

Медушевский находит, что этот метод применим и для историко-правовых исследований, а особую его ценность видит в том, что он дает возможность перейти от “нarrативной (описательной) истории к истории как строгой науке, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленной человеческой деятельности. Развиваясь в эмпирической реальности, данная деятельность неизбежно сопровождается фиксацией ее результатов, созданием интеллектуальных продуктов или вещей, которые рассматриваются в исторической науке в качестве источников; их намеренная и ненамеренная информация может быть расшифрована исследователем для получения достоверного знания о прошлом. Суть когнитивной теории означает понимание психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников – интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности” (с. 9).

Автор монографии успешно использует научно-исследовательский потенциал данного метода. Конституционно-правовые и иные юридические тексты советской эпохи анализируются не столько с точки зрения их формального содержания, сколько с позиций тех действительных целей и идей, которые реализовывались в конкретных исторических

¹ Далее в тексте ссылки на книгу Медушевского даются в круглых скобках с указанием соответствующей страницы.

обстоятельствах. Например, в отличие от большинства исследователей, автор разводит идеологические мифы советского государства и реальные цели конституционно-правового строительства. В результате выявляются ключевые моменты, позволяющие проследить вековую протяженность между формировавшимся в 1918 г. политическим режимом и положением дел в современной России.

Всякая человеческая деятельность начинается с **целеполагания**. Благодаря мыслимой цели, действия людей могут быть квалифицированы как осознанные (в отличие от инстинктивных действий животных, которые, хотя и могут приводить к эффективному результату, но совершаются бессознательно). Люди формируют в своем сознании определенные концепции, в соответствии с которыми осуществляется сложная разумная деятельность. В этом и проявляется сущность конструктивного мышления.

Какая же концепция лежала в основе советской государственности? Какой механизм властевования и какая организованная государственная структура должны были образоваться на заключительном этапе революционного процесса? По утверждению автора, в основе идеологии советского государства лежал миф о государстве-коммуне. Однако для правильного понимания советской системы важно выявить связь мифа и реального конституционного строя. Очевидно, что по факту Советы не стали объективно самостоятельными органами. Государство управлялось не Советами, а иными (партийными) структурами. Однако на мифе о государстве-коммуне строилась идеология советского государства на всем протяжении его существования.

Взаимосвязь между “государствообразующим” мифом и реальностью явно прослеживается на примере разработки и принятия первой советской конституции. Понятно, что в основе Конституции 1918 г. лежали продекларированные ранее идеи. Однако в реальности миф о государстве-коммуне показал свою нежизнеспособность. Он был развеян к весне 1918 г. после антисоветских выступлений на Юге России и восстания чешского корпуса в Западной Сибири. Эти события скоро заставили большевиков осознать слабость своей власти в крестьянской стране.

Таким образом, перед сторонниками В.Ленина всталась проблема: изменить ранее провозглашенным идеалам они не могли, но и изменение социальных, экономических и политических условий оказалось неподъемной задачей. Все, что зависело от них, – скорректировать свою политику здесь и сейчас. И это они сделали. Другими словами, не отрекаясь от старой идеологии, большевики решили действовать сообразно политической ситуации: провозглашать демократизм, право наций на самоопределение вплоть до отделения, утверждать власть Советов, а на практике – выстраивать жесткую централизованную систему. В результате была создана советская государственная модель, которая опиралась не на выборы и широкие слои населения, как декларировалось, а на куриальная и многоступенчатую систему квазигосорганов (с. 191).

Как уже отмечалось, неэффективность Республики Советов как особой формы правления стала очевидной уже весной 1918 г., в момент принятия “Проекта положения о Советских Совдепах” (май 1918 г.). Идеологически указанный документ построен на идеях Советской республики-коммуны, на деле же, как сразу заметили его критики, направлен на создание своеобразной вертикали власти. Отсюда и выводится тезис о несоответствии создаваемой Советской республики образцу коммуны как ее идеологической основы. Следовательно, почти с самого начала существования советского государства существовали нормы провозглашаемые и нормы реальные, о которых не говорили, но которые реально действовали.

Примерно в это же время приступила к работе Конституционная комиссия, созданная решением ВЦИК от 1 апреля 1918 г., которой поручалась разработка новой Конституции (с. 205–207). В задачу комиссии входило: 1) выстраивание правовых рамок советского государства; 2) фиксация стихийно сложившейся социальной реальности; 3) выстраивание вертикали власти, ее централизация в руках большевиков. Процесс разработки и принятия Конституции позволил четко увидеть отступление от правового идеала государства-коммуны и эволюцию режима в направлении однопартийной диктатуры.

По примеру якобинской диктатуры во Франции большевики выстраивали новый революционный аппарат террора. По мысли разработчиков, Конституция 1918 г. была призвана выполнять не столько юридическую, сколько идеологическую функцию. Другими словами, в ходе работы над ней большевики окончательно отказались от попыток реализации коммунистического мифа, хотя он и оставался в публичном идеологическом пространстве на всем протяжении истории советского государства.

Из этого Медушевский выводит положение о развитии советского правового нигилизма, анализируя переход от “революционного правосознания” к политической целесообразности (с. 202). Именно здесь скрываются корни дуализма господствовавшей в нашей стране модели советского конституционализма. Формально (в соответствии с государственно-правовыми нормами) присутствует Советская Республика, в основе которой стоят особые представительные органы – Советы, избираемые трудящимися и связанные их наказами. Фактическая власть находится в руках Вождя, партии или иных контролируемых ими структур. В результате была создана весьма жесткая централизованная система, отстраняющая население страны от участия в реальной политической жизни и принятия политических решений.

Автор монографии исследует циклический характер развития советской модели конституционализма. Так, Конституция 1918 г. составила начальный этап становления номинального конституционализма. Его окончательная редакция относится к 1936 г. – к моменту принятия третьей Конституции. “Совершенная конституция” (как именовали ее) оставалась ею только по имени. Она как часть идеологии государства не отражала подлинной структуры власти и управления, закрепляя диктатуру, не содержала правовых механизмов осуществления декларируемых прав, вообще не имела отношения к социальной действительности, выступая исключительно элементом политico-правовой легитимации однопартийного режима.

Юридическое закрепление формальных институтов позволило сконструировать параллельную систему неформальных институтов. В итоге Конституция 1936 г. превратилась в памятник номинального конституционализма (номинальный федерализм, номинальный парламентаризм, номинальный демократизм, номинальное право рабочих на забастовки). Обращает на себя внимание существование параллельного конституционного законодательства. Мы писали об этом, раскрывая сущность так называемой параллельной конституции на примере гитлеровской Германии (см. [Баев, Марченко 2013]).

Глава 12 монографии представляет читателю картину завершения советского проекта (с. 550–601). Автор дает ему крайне нелицеприятную характеристику: лицемерный проект, которому свойственны двойные стандарты; проект ложный, поскольку основан на мифах; устроен так, чтобы проводить успешную психологическую манипуляцию гражданами и обществом. Попытка привести сложившуюся систему управления государством, систему органов на местах к их конституционной основе привела к круху советского государства. По оценке ученого, наследие советского конституционализма отразилось в результатах постсоветских преобразований, приведших нас лишь к частичной трансформации общественного сознания и институтов. Следовательно, делает вывод Медушевский, мы частично реформировались и пришли в результате к авторитарной демократии (с. 598).

Высоко оценивая проделанный труд, хотелось бы обратиться к самому интересному – выводам из прочитанного. Автор исследования провел детальный анализ конституционных циклов в России XX в., положив в основу мощный пласт исторических и правовых источников. Широкое междисциплинарное образование Медушевского, а также ряд его предыдущих трудов² создали прочный фундамент для возведения здания российской модели конституционализма. Не обладая в равной степени авторскими компетенциями и исследо-

² См., например: “Утверждение абсолютизма в России” (М., 1994); “История русской социологии” (М., 1993); “Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе” (М., 1998); “Теория конституционных циклов” (М., 2005); “Проекты аграрных реформ в России” (М., 2005); “Социология права” (М., 2006); “Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX в.” (М., 2010).

довательским опытом в разрешении проблем Русской революции, возьмем на себя смелость сформулировать наше общее впечатление о книге профессора Медушевского.

Монография объемом в 600 с лишним страниц, набранная мелким плотным шрифтом, представляет собой монументальное исследование Русской революции в ее конституционно-правовом срезе. Автор достиг, на наш взгляд, истинного понимания того, как все было на самом деле (как говорил известный немецкий историк нового времени Л. фон Ранке, “wie es eigentlich geschehen war”). Тем не менее важно осмыслять, имел ли место прогресс в деле конституционного строительства с 1918 до 1993 г., или модель номинального конституционализма, практически созданная в 1918 г., пребывала в замороженном состоянии вплоть до конституционной революции 1993 г.? Или она эволюционировала в направлении установления режима жесткого авторитаризма?

Если последнее верно, то утверждения автора о частичной трансформации номинального конституционализма после 1993 г. представляются не бесспорными. С нашей точки зрения, советские традиции мнимого конституционализма не были преодолены в 1990-е гг. и сохраняются до сих пор. Это проявлялось и проявляется в экономике (хищническая приватизация, “капитализм для своих” и т. д.); нашло отражение в сверхсильной власти президента и беспомощном парламенте (чего не наблюдалось даже в германской империи эпохи О. Бисмарка). Возможность манипулировать общественным мнением, прикрываясь демократическим фасадом, искусное использование двойных стандартов и неконституционных методов управления при сохранении Конституции позволяет вводить в заблуждение как демократические режимы в Европе и Америке, так и российское общество. При этом в действительности проводится жесткая авторитарная политика. Таким образом, с помощью декоративной демократии скрываются истинные цели и методы властевования.

Автор поднимает еще одну проблему, вызывающую разные толкования в зависимости от политico-правовых предпочтений. Это персональные характеристики лидеров Русской революции, и прежде всего Ленина, чья деятельность во многом предопределяет общую оценку революции и ее итогов. Являлись ли большевики государственными преступниками, противоправно захватившими власть, или, будучи одержимыми благими намерениями и не осознав сути человеческой природы, они повели страну к “светлому будущему” через кровь и великие страдания. По мысли Медушевского, Ленин скорее фанатик, чем злодей. Мотивом его деятельности было избавление человечества от зла, хотя профессор не исключает и макиавеллистской природы его взглядов. Вместе с тем необходимо принять во внимание и противоположную позицию в этом вопросе правоведа В. Сырых, выпустившего недавно книгу “Неизвестный Ленин: теория социалистического государства” [Сырых 2017]. Конечно, расхождения в оценках прошлого естественно для работ авторов, ставящих перед собой разные задачи, применяющих разную методологию. Но в таком случае надо пытаться комплексно осмысливать разные труды. В данном случае, по нашему мнению, нельзя не учитывать и иных (позитивных) сторон большевистского режима, сумевшего избавить от нищеты и создать фундамент для ускоренной промышленной и культурной революции (хотя все эти темы остаются предметом для серьезной полемики).

Еще одна скользкая тема – террор – требует особенно пристального внимания. Медушевский доказывает, что большевики как фанатики были искренни в стремлении создать государство на основе мифа, но очень скоро поняли бесперспективность такого подхода и стали руководствоваться “рациональным выбором”. Он называет это обычной метаморфозой всех тоталитарных религиозных сект и пытается проанализировать данную трансформацию с позиций когнитивной психологии в соотношении таких категорий, как “нарастание приближения” (к положительной цели) и “нарастание избегания” (в отношении отрицательной цели), которое завершилось психологической подменой первого последним [Медушевский 2013].

По мнению автора, смысл всенародного обсуждения конституций заключался не просто в стремлении закамуфлировать террор (это признают все), но и создать психологические предпосылки для него. В отношении того, кто и как планировал террор, есть разные мнения. Медушевский склоняется к мысли, что террор – спланированная акция, истинным создателем которой был И. Сталин. Хотя, возможно, он пришел к этой

идее под влиянием акции А. Гитлера (правда тут, скорее, приоритет был все же на стороне большевиков). Нам представляется, что корни самой идеи террора уходят в историю Французской революции конца XVIII в., чей опыт большевики восприняли в полной мере.

Ценность и значимость рассматриваемой работы состоит в том, что исследователь впервые с позиций современной методологии провел “анализ намерений”, исходя из содержания, смысла и принципов нормативных актов советской эпохи. Используя передовую методологию, Медушевский рассмотрел законы и иные юридические документы в контексте реальных целей молодого советского государства и задач, которые необходимо было решить большевикам; проанализировал реальные и декларируемые принципы советского права в разрезе действительных целей советского правительства. Подобный подход в сочетании с учетом исторической ситуации позволил исследователю провести “интент-анализ”³ основных элементов законодательного массива социалистического государства, начиная с его появления и заканчивая закатом. Подобный подход к историко-правовым исследованиям, по нашему мнению, представляет собой новую ступень в российской правовой науке, привнося в нее развивающийся методологический аппарат и выводя ее тем самым на высокий международный уровень.

Вместе с тем следует заметить, что научный анализ предполагает рассмотрение изучаемого явления во всех его значимых аспектах. В первую очередь это относится к феномену советского права, ибо многие его институты, будучи глубоко укорененными, существуют до настоящего времени. Медушевский раскрыл негативную сторону советского государственно-правового механизма. На основании полученных им данных можно утверждать, что традиционный номинальный конституционализм не был демонтирован после распада союза, но трансформировался в мнимый конституционализм современной России. Однако серьезного внимания заслуживает и “другая сторона медали”. Достижения и успехи Советского Союза являются достаточным свидетельством его высокой жизнеспособности. Советскому государству удалось отстоять свой суверенитет перед великими державами, провести модернизацию, победить в Великой Отечественной войне, осуществить ядерную программу, выйти в космос. На протяжении всей истории СССР был вынужден демонстрировать всему миру преимущества своей системы. Несмотря на неудачное “завершение революционного проекта”, коммунистический режим на протяжении длительного времени показывал высокие результаты в динамично меняющемся мире XX столетия.

В современном российском научном дискурсе присутствуют концепции, направленные на выявление положительной составляющей советской системы. Например, известностью пользуется материалистическая теория права профессора Сырых, в рамках которой отстаивается необходимость реактуализации марксистских взглядов на построение государства и на сущность права. А в его монографии “Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское” [Сырых 2018] раннее советское нормотворчество рассматривается с “просоветской” точки зрения. Представляется, что данная работа, посвященная “красному террору”, затрагивает те же вопросы, что и монография Медушевского. Оба исследователя выделяют проблему сущности правовой системы, которая возникла после 1917 г. Медушевский сосредоточивает свое внимание на негативных аспектах советской правовой реальности, а его неомарксистские оппоненты – на позитивных, стремясь показать, что крах режима произошел вследствие неудачных политических решений, но не был просто следствием марксистского мировоззрения. Таким образом, разница в “системе координат” неизбежно порождает различие в выводах названных авторов по вопросу о генезисе советской системы. Если Медушевский видит здесь истоки номинального конституционализма, указывая на изначальную двойственность советского законодательства (проповедуемое – насижданное), то альтернативная позиция представляет дуалистическое (“антиправовое”) советское законодательство (на примере “красного террора”) как результат использования неадекватного правового механизма.

³ Как известно, интент-анализ, или анализ намерений, – теоретико-экспериментальный подход, позволяющий путем изучения публичной речи говорящего выявить скрытый смысл его выступлений, намерений и целей, которые влияют на дискурс. Исследовательский метод Медушевского подобен интент-анализу, ибо позволяет выявить скрытый смысл нормативных актов эпохи Октябрьской революции.

В неомарксистской трактовке акцент сделан не на праве, но на практике – механизме террора, его деталях, трибуналах и т.п. Хотя здесь уместен и более широкий взгляд. Например, использование антиправовых средств, предусматривающих избирательное применение законодательства, – неотъемлемая черта Русской революции. Подобный режим предусматривает и порождает такие юридические феномены, как номинальный советский конституционализм и диктатуру пролетариата. Следовательно, оба подхода рассматривают разные элементы единого советского режима: Медушевский раскрыл его конституционно-правовой аспект, а представители неомарксистского направления вольно или невольно сосредоточены на анализе его карательного механизма, исходя из предположения, что дисфункции режима связаны не с идеологией, но с ошибками практики применения.

Вместе с тем различия в теоретико-правовых и моральных подходах не помешали исследователям выявить научную истину. Полученные ими результаты не противоречат, а дополняют друг друга. Ученые признают, что советский режим с самого начала формировался не на основании доктрины, которая провозглашалась, а по принципу целесообразности в ее понимании большевиками. Очевидно, что в подобных ситуациях невозможно полностью контролировать ход революционного процесса, предотвратить выход террора из-под контроля. Однако нельзя и оправдывать “консервацию” непродуманного государственного механизма, созданного в условиях чрезвычайного положения. Этот механизм, как отмечают ученые, с самого начала продемонстрировал собственные изъяны. Но коммунистическая партия и ее вожди сознательно сохраняли данную порочную систему, которая, при наступлении относительной стабильности, уже никак не оправдывала своего существования.

Это еще раз подчеркивает особую сложность темы, раскрываемой в работе Медушевского. Как известно, выводы точных наук достаточно определены. Но предмет историко-правовых исследований совсем иной. Здесь затрагивается общество, присутствующие в нем отношения и право, эти отношения закрепляющее. Изучение данной надстроенной сферы имеет непреходящее значение, поскольку правовая наука рассматривает государство, общество, право как состоящие из противоположностей, находящихся в диалектическом единстве. И советское государство складывалось из противоречий, подобно любому человеку, несущему в себе зачатки добра и зла. Освобождаясь от негативного наследия прошлого, не следует забывать о том позитивном “зерне”, которое позволило осуществить уникальный опыт по созданию в нашей стране социалистического государства.

Ценность любого научного исторического творения заключается не столько в тщательном описании того, как все было (историки все равно не смогут в точности воссоздать картину прошлого), сколько в способности автора сформулировать собственную позицию (оценку) в отношении объекта исследования и убедительно доказать ее право на существование. В этом плане монография Медушевского в полной мере заслужила право стоять на первой полке ученого-исследователя Русской революции как формы социальной мобилизации в XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баев В., Марченко А. (2013) “Параллельное конституционное законодательство?” как метод трансформации демократического режима в недемократический: на примере Веймарской республики в Германии // Конституционное и муниципальное право. № 5. С. 71–74.
- Медушевская О.М. (2008) Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ.
- Медушевская О.М. (2010) Теория исторического познания: Избранные произведения. М.: Университетская книга.
- Медушевский А.Н. (2017) Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Медушевский А.Н. (2013) Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. № 5. С. 114–126. № 6. С. 111–120.
- Сырых В.М. (2018) Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ.
- Сырых В.М. (2017) Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М.: Юрлитинформ.

Russian revolution as a form of social mobilization in the 20th century (contemplations on the book)

*V. BAYEV**

*A. MARCHENKO***

***Bayev Valeriy** – candidate of sciences (History), doctor of sciences(Law), professor, head of department of labour and business law, law school, Tambov State University. Address: 106 Sovetskays Str., Tambov 392000. E-mail: vgbayev@gmail.com

****Marchenko Alexey** – candidate of sciences (Law), assistant professor, department of civil law, law school, Tambov State University. Address: 106 Sovetskays Str., Tambov 392000. E-mail: alexey_ctk@mail.ru

Abstract

The proposed text is “reflections in the margins” of the book by A. Medushevsky “The Political History of the Russian Revolution.” The authors note the high relevance of the topic raised, indicate that the century of the Russian revolution was not significantly reflected in the scientific literature and official sources. Particular attention was attracted by the methodology used by the creator of the monograph, entitled “cognitive history”. Its essence means an understanding of the psychological motivation and attitudes of people in history based on the reconstruction of information sources – intellectual products of purposeful human activity. It allowed Medushevsky to reveal the logic of the revolutionary process, as well as the true intentions of the main heroes of the revolution. Revealed key events allow to see a century-old relationship between the political regime formed in 1918 and the state of affairs in modern Russia.

Keywords: Russian revolution, cognitive history, state-myth, real, imaginary, nominal constitutionalism, constitution.

REFERENCES

- Bayev V., Marchenko A. (2013) “Parallelnoye (konstitutsiy) zakonodatelstvo” kak metod transformatsiy demokraticeskogo rezhima v nedemokraticeskiy: na primere Veymarskoy Respubliki v Germaniy [“Parallel (constitutions) legislation as a transformation method of a democratic regime into undemocratic one: based on the example of Weimar Republic in Germany]. *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo*, no. 5, pp. 71–74.
- Medushevskaya O.M. (2008) *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and Methodology of Cognitive History]. Moscow: RGGU.
- Medushevskaya O.M. (2010) *Teoriya istoricheskogo poznaniy. Izbrannye proizvedeniya* [Theory of Historical Knowledge: Selected Works]. Moscow: Universiteteskaya kniga.
- Medushevskiy A.N. (2013) Fenomen bol’shevizma: logika revolyucionnogo ekstremizma s poziciy kognitivnoy istorii [The phenomenon of Bolshevism: the logic of revolutionary extremism from the standpoint of cognitive history]. *Obshchestvennye nauki i sovremenność*, no. 5, pp. 114–126, no. 6. pp. 111–120.
- Medushevskiy A.N. (2017) *Politicheskaya istoriya russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy social’noy mobilizatsii v XX veke* [The political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the XX century]. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh initiativ.
- Syryh V.M. (2018) *Krasniy terror: kanony biblejskie, da ispolnenie plebejskoe* [Red Terror: biblical canons, but execution plebeian]. Moscow: Yurlitinform.
- Syryh V.M. (2017) *Neizvestnyi Lenin: teoriya socialisticheskogo gosudarstva (bez pristrastiya i podobostroistviya)* [Unknown Lenin: Theory of the Socialist State (without addiction and servility)]. Moscow: Yurlitinform.